

УДК 94(41/99)

Дискурс турецкой «мягкой силы» в контексте трансформации внешнеполитического курса Турции в 2001–2015 годах (на основе анализа выступлений турецких политических лидеров)

О. А. Шамарина

Шамарина Олеся Александровна, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, shamarina.olesya@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности изучения употреблений понятий «турецкая модель» и «турецкая мягкая сила» в академических и научных кругах Турции. Анализируются ключевые составляющие, вкладываемые в данные понятия, на примере выступлений турецких лидеров Ахмета Давутоглу и Реджепа Тайипа Эрдогана. Временными рамками исследования стали 2001–2014 гг., а приведенная статистика основывается на работе турецких исследователей Йоханана Бенхаима и Керема Октема «Взлет и падение дискурса турецкой мягкой силы. Дискурс во внешней политике при Давутоглу и Эрдогане» 2015 г.

Ключевые слова: «мягкая сила», Турция, «турецкая модель», Ахмет Давутоглу, Р. Т. Эрдоган.

The Discourse of Turkish «Soft Power» in the Context of the Turkish Foreign Policy Transformation in 2001–2015 (Based on Turkish Political Leaders' Speech Analysis)

О. А. Shamarina

Olesya A. Shamarina, <https://orcid.org/0000-0001-6026-3919>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, shamarina.olesya@yandex.ru

The article discusses the study features of «Turkish model» and «Turkish Soft Power» concepts usage in academic and scientific circles of Turkey. Based on the Turkish leaders Ahmet Davutoglu and Recep Tayyip Erdogan's speeches the author analyzes the key components invested in these concepts. The time frame of the study was 2001–2014, and the basis of the presented statistics was the work of 2015, presented by Turkish researchers Yohanan Benhaim and Kerem Oktem «The rise and fall of Turkey's soft power discourse. Discourse in foreign policy under Davutoğlu and Erdoğan».

Keywords: «Soft Power», Turkey, «Turkish model», Ahmet Davutoglu, R. T. Erdogan.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-494-498>

После прихода к власти в 2002 г. умеренной исламской Партии справедливости и развития (Adalet ve Kalkınma Partisi, АКР) (далее – ПСР) в Турции наметилась тенденция к смене внешнеполитических приоритетов. Новая политическая элита скорректировала государственную машину в соответствии со своими идеологическими предпочтениями – от господствовавших долгое

время доктрины реализма и откровенно прозападной ориентации в сторону большей многовекторности внешней политики страны, опираясь на ее исламские корни и не отказываясь от ее имперского прошлого. Вот почему именно в этот период оказались востребованными идеи профессора Стамбульского университета Бейкент Ахмета Давутоглу, ставшие основой политики «нулевых проблем с соседями».

Указанные перемены во внешнеполитическом курсе Турции потребовали оформления инструментальной базы для его реализации, выработки механизмов, которые бы смогли более энергично продвигать «турецкую модель» в соответствии с амбициозными устремлениями новых турецких лидеров.

Отметим, что в качестве основополагающих элементов в понятие «турецкая модель» включалось три составляющих: светское государственное устройство, демократическое правление (утвержденные светские порядки в стране совместно с системой партийного плюрализма и политикой европеизации), а также свободные рыночные отношения¹. «Турецкая модель» развития государства противопоставлялась, таким образом, варианту «исламской демократии» и «иранской исламской революционности»².

В это же время возникает идея продвижения «турецкой модели» в качестве идеального варианта развития стран близлежащего региона, о чем свидетельствует активное употребление этого термина в выступлениях политических лидеров страны.

В качестве важнейшего механизма продвижения «турецкой модели» стала политика «мягкой силы». Эта политика сформировалась под влиянием книги известного американского профессора Гарвардского университета Джозефа Ная «Пределы лидерства: изменение природы американской мощи»³, введшего термин «мягкая сила» в отношении глобальной мощи США. Наиболее развернуто Най представил свой концепт в изданной в 2004 г. книге «Мягкая сила: средства достижения успеха в мировой политике» (в русском переводе 2006 г. «Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике»)⁴. Дебаты, последовавшие после выхода в свет книги, а также множество работ, апеллирующих данным термином в отношении внешнеполитической линии той или иной страны, наглядно демонстрируют актуальность и своевременность идей Д. Ная.

Если обратиться к статистике, представленной в исследовании, можно заключить, что волна популярности термина «турецкая мягкая сила» не коснулась Турции: научных публикаций, в которых рассматривалось бы данное понятие (на турецком и английском языках), с 2001 г., т. е. когда ПСР приходит к власти в Турции, не так много – первые работы появляются лишь в 2005 г. (всего 5), количество их, постепенно увеличиваясь, составило 80 работ в 2013 г.⁵

Указанная тенденция не вызывает удивления. Активизация внешнеполитических шагов Анкары приходится на 2009 г. когда пост министра иностранных дел Турции занял Ахмет Давутоглу. Благодаря увеличению объемов деятельности таких проправительственных организаций, как SETA (Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı – Фонд политических, экономических и социальных исследований), а также прихода к власти «особых» людей, таких как Ибрагим Калын, основные компоненты политики «мягкой силы» стали гораздо чаще проявляться во внешней политике Турции.

Стоит также сравнить данные по использованию понятий «мягкая сила» и «турецкая модель» в академических трудах. Так, по состоянию на 2013 г. приводятся следующие цифры: «мягкая сила» упоминалась в 371 статье за 2001 г., ссылки на «турецкую модель» можно найти только в 49 статьях за тот же период исследований⁶.

Следует заметить, что с 2011 по 2013 г. наблюдается значительный рост числа употреблений понятия «турецкая модель» в научных изданиях, что, безусловно, объясняется возрастанием престижа Турции на мировой арене и попытками использованием ее модели в странах, дестабилизированных Арабской весной. Исследователи предположили, что общие показатели словоупотреблений останутся на относительно высоком уровне в ближайшие несколько лет с учетом тогдашнего политического контекста и неудач в реализации «турецкой модели» в ряде стран, особенно в Сирии, а также после протестов в парке Гези в мае – июне 2013 г. и мер по подавлению курдского движения в Турции.

В этой связи гораздо больший интерес представляет вопрос о содержании этих статей. В большинстве из них турецкая политика «мягкой силы» рассматривается в отношении не одной конкретной страны, а целого региона и как неотъемлемая часть американской или европейской политики. «Мягкая сила» Турции, по их мнению, непосредственным образом связана с интересами США (в меньшей степени – с ЕС) и приравнивается к возможности вмешательства и влияния на регионы, находящиеся под их прямым контролем, через более надежного регионального лидера – Турцию⁷.

Важным является и то, что исследователи вкладывают в само понятие «мягкая сила»⁸.

Результаты несколько удивляют, поскольку некоторые из ключевых понятий (демократия, равенство, справедливость), которые следовало бы ожидать, отсутствуют в исследованиях. Наиболее же распространенными терминами являются «внешняя политика» и «внешние отношения», а наиболее часто упоминаемыми регионами – «Ближний Восток», «Европейский союз» и «Арабский мир». Помимо прочего, были использованы следующие термины: безопасность, экономика, стратегия, культура и подъем.

Рассмотрев появление и частотность употребления понятия «мягкая сила» в научных трудах, перейдем к анализу использования термина турецкой политической элитой, в частности, на примере речей бывшего министра иностранных дел и премьер-министра Турции Ахмета Давутоглу и бывшего премьер-министра (и нынешнего президента) Реджепа Тайипа Эрдогана.

В обоих случаях объем контента использования «мягкой силы» небольшой, тем не менее, важно подчеркнуть наличие существенного различия между самим содержанием термина: для Давутоглу «soft power» – это светское орудие теории международных отношений, для Эрдогана – это средство, носящее более открытый националистический и даже панисламистский характер.

На сайте Министерства иностранных дел Турции понятие «мягкая сила» включает в свой состав три ключевые характеристики: демократия, экономические отношения и проевропейская ориентация. Среди других составляющих выделяют либеральный визовый режим Турции, упрочение влияния в мусульманском мире посредством апелляции к общему историческому прошлому и политики Турции с позиций «нового донора» в отношении них. Ключевыми средствами по реализации подобной политики на сайте значатся: программы иностранного языка на государственном канале Турции TRT (Турецкое радио и телевидение), турецкие авиалинии Turkish Airlines и Агентство развития и сотрудничества Турции (TİKA).

Нацеленность на новый курс и дипломатический стиль во внешней политике Турции прослеживаются в следующей цитате А. Давутоглу: «Мы не угрожаем ... (но используем) язык, который отдает предпочтение гражданско-экономической власти»⁹. (Ахмет Давутоглу, Foreign Policy, 20 мая 2010 г.).

Следующие две цитаты наглядно иллюстрируют отсылки к «турецкой модели» демократии и ее предполагаемой привлекательности для соседних стран: «Мы осознаем тот факт, что наша демократия является нашей самой большой «мягкой силой»¹⁰ (Ахмет Давутоглу на встрече с послами ЕС, 8 мая 2009 г.). «Хотя и нет предела для совершенствования, наша демократия вдохновляет многих в нашем регионе и составляет основу нашей растущей «мягкой силы»¹¹ (Наджи Кору (замглавы МИД Турции), лекция в Школе

бизнеса Стэнфордского университета, 13 февраля 2013 г.).

Обязательства Турции перед мусульманским миром по продвижению демократии и способствованию экономического развития в этих странах также очевидны из выступления Ахмета Давутоглу в Американском университете в Каире еще до прихода к власти президента Мохаммеда Мурси. В нем он отдает приоритет местоположению, экономике, культуре и демократии Турции как главному объяснению ее политической привлекательности для внешнего мира: «Наше геостратегическое положение, быстроразвивающаяся экономика, способность понимать различные социальные и культурные тенденции в обширной географии и стремление к продвижению демократии ... все это важные активы внутри страны и за рубежом ... Ключевое слово, определяющее отношения Турции с арабскими странами, – это не «гегемония», а «взаимное сотрудничество»¹² (Ахмет Давутоглу, Американский университет в Каире, 13 февраля 2012 г.).

Отношения Турция–ЕС и европейская «мягкая сила» как условие и результат предполагаемого членства Турции также легко обнаружить на сайте турецкого МИДа. Причем показателен тот факт, что все речи и статьи на эту тематику ориентированы исключительно на европейскую аудиторию, если же речь идет об аудитории за пределами ЕС, МИД Турции старается завуалировать европейские вопросы другими темами. Взаимосвязь между турецкой и европейской «мягкой силой» наглядно представлена в следующей цитате: «Европа и Турция... разделяют действительно общее видение будущего нашего континента: Европа, которая укрепляет свою «мягкую силу» и продвигает свои универсальные ценности...»¹³ (выступление Давутоглу на Nueva Economía Fórum в Мадриде, 16 ноября 2009 г.).

Турецкая проевропейская «мягкая сила» как условие членства Турции в ЕС обнаруживается в выступлениях лидеров страны. Бывший министр иностранных дел Турции Али Бабаджан также говорил в своих выступлениях о значимости Турции для Европы и наоборот: «Членство Турции в Европейском Союзе значительно укрепит ее «мягкую силу» и привлекательность в вопросах расширения гражданских прав и прав человека в исламском мире... Турция станет воротами Европы и мостом для распространения наших общих ценностей и идеалов, которые будут иметь более восприимчивую аудиторию на Ближнем Востоке»¹⁴ (Али Бабаджан, 2 октября 2007 г.). Иными словами, Бабаджан отмечает обоюдную заинтересованность и выгоду от членства Турции в ЕС: для Европы Турция станет источником «мягкой силы», которая будет свободно распространяться в арабский мир, куда больший по размерам, чем оставшийся мир, через «ворота» в

Ближний Восток – Турцию. Для бывшей Османской империи членство в ЕС выведет турецкую «мягкую силу» на совершенно новый уровень – Турция станет центром притяжения для всего Ближнего Востока и возьмет на себя ответственность за «транспортную» европейских ценностей в мусульманский мир.

Проевропейская ориентация – не единственное воплощение турецкой «мягкой силы». Другим ее проявлением, нашедшим отражение в речах лидеров страны, стал либеральный визовый режим Турции. «Мы использовали нашу визовую политику в качестве инструмента расширения возможностей «мягкой силы» ... Мы сняли визовые ограничения в более 30 странах мира за последние 5 лет. В дополнение к своим политическим и культурным преимуществам данная политика способствовала развитию нашего туризма»¹⁵ (Начи Кору, встреча с почетными консулами Турции в Северной и Южной Америке, 15 апреля 2013 г.).

Исторические основы «мягкой силы» Турции – не менее популярная тема для выступлений турецких лидеров. Так, например, объясняя значимость Турции для НАТО, Начи Кору в отношении миссий Организации в Боснии, Косово, Македонии и Афганистане, где Турция действительно смогла использовать свою религиозную и культурную самобытность для установления доверительных отношений с местными мусульманским населением, сказал: «Турция с легкостью мобилизует свою «мягкую силу», используя свои глубокие исторические корни с многими странами мира, в которых действует НАТО»¹⁶.

Авторы работы «The rise and fall of Turkey's soft power discourse. Discourse in foreign policy under Davutoğlu and Erdoğan» по итогам анализа 75 выступлений А. Давутоглу приводят топ-15 ключевых слов в отношении политики «мягкой силы»¹⁷.

Анализируя данные, можно констатировать тот факт, что позиция Давутоглу выглядит менее евроцентричной и, безусловно, не направлена на содействие демократии. Именно экономическое сотрудничество и безопасность, а не демократия или верховенство закона лежат в основе его видения взаимодействия с миром. Нет никаких ссылок на права человека, и что самое интересное, нет ни единого упоминания терминов «мягкая сила» и «стратегическая глубина».

Если же обратиться к речам нынешнего президента Турции Р. Т. Эрдогана, когда он занимал пост премьер-министра, то можно отметить, что во всех выступлениях его язык эмоционален и наполнен неоосманистическими идеями. В двух из трех выступлений он выделяет подконтрольные ему учреждения как главные акторы «мягкой силы» Турции¹⁸. «Последние восемь с половиной лет мы делали упор на определении очертаний «мягкой силы» во внешней политике. Вдохновленные уникальными ресурсами нашей

истории, нашей культуры и нашей цивилизации, мы вовлечены в тяжелую борьбу за влияние на процессы, за содействие решению всех вопросов в региональном и глобальном масштабе. ... Кроме того, мы распространяем «мягкую силу» Турции и само турецкое видение всему миру через ТИКА, Институты Юнуса Эмре, ТРТ (Турецкое радио и телевидение), Президентство турок за рубежом и связанные с ними общины»¹⁹ (премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган на конференции торговых атташе, 25 апреля 2011 г.).

Помимо этого, Эрдоган расширяет границы термина «мягкая сила», переосмыслив османскую историю как образец «гибкой власти»: «Наряду с «жесткой» теперь есть «мягкая сила» ... или, если быть точным, «гибкая сила». ... Термин «гибкая сила» может быть новым современным термином. ... На протяжении всей нашей истории мы верили, что ручка сильнее меча, а двери, которые меч не может открыть, можно открыть ручкой. Исторически наши места, разбросанные по трем континентам, наши знаки прошлого являются наиболее конкретными подтверждениями этого»²⁰ (мероприятие, посвященное 144-летию создания Общества Красного Полумесяца Турции, 11 августа 2012 г.).

На заседании Высшего совета по науке и технике в выступлении Р. Т. Эрдогана была уже окончательно проведена граница, дистанцирующая Турцию от восприятия ее в качестве субъекта, обладающего исключительно «мягкой силой». Здесь же Эрдоган призвал к росту национальной военной промышленности с потенциалом накопления сдерживающей силы в более крупных объемах.

«Утверждение о «мягкой силе», которое не поддерживается сдерживающей силой, является лишь разговором. Турция сейчас находится в периоде, когда потенциалы превращаются в действия»²¹ (заседание Высшего совета по науке и технике, 15 января 2013 г.).

Приведенные цитаты подтверждают, прежде всего, тот факт, что для Эрдогана «мягкая сила» не является обязательной составляющей его политического словаря: «мягкая сила» может стать «гибкой силой», а «гибкая сила» может стать в любой момент «сдерживающей силой».

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что Министерство иностранных дел Турции воспринимает «мягкую силу» как основанную на модели демократии Турции, ее динамичной экономике и отношениях с ЕС. Турция представляется в речах политических лидеров страны как «добродетельная» держава, которая мобилизует свою историю, культуру, самобытность и географическое положение с целью продвижения демократии и экономики в Турции и за рубежом. Ссылки на стремление Турции к региональному лидерству не так явно выражены, а язык в целом дипломатичен и хорошо продуман. В таком виде сайт МИДа кон-

трастирует как с публичными речами бывшего министра иностранных дел Давутоглу, в которых Турция изображается как цивилизационная держава, особенно на Балканах, так и с речами тогдашнего премьер-министра Эрдогана, пропагандными неоосманистическими идеями.

После протестов в Гези в мае и июне 2013 г. внешнеполитический «язык» Анкары подвергся кардинальным изменениям. В большей степени они коснулись Ахмета Давутоглу, который осуществил резкий отход от своих идей «взаимовыгодного мышления» и «мягкой силы» в сторону политических игр с нулевым результатом, что более соответствовало взглядам Р. Т. Эрдогана.

Примечания

- ¹ *Овсепян Л.* Турецкая модель и обусловленность внешней политики Анкары в странах Центральной Азии стратегическим интересам Запада // *Центральная Азия и Кавказ.* 2009. № 2 (62). С. 133.
- ² Там же. С. 133.
- ³ *Nye J.* Bound to lead : the changing nature of American Power. NY, 1991. 336 p.
- ⁴ *Nye J.* Soft Power : the means to success in world politics. NY, 2004. 192 p. URL: http://www.academia.edu/28699788/Soft_Power_the_Means_to_Success_in_World_Politics_-_Joseph_S._Nye_Jr (дата обращения: 29.01.2019).
- ⁵ *Benhaïm Y., Öktem K.* The rise and fall of Turkey's soft power discourse. Discourse in foreign policy under Davutoğlu and Erdoğan // *European Journal of Turkish Studies* (Online). No. 21. 2015. P. 5. URL: <https://journals.openedition.org/ejts/5275> (дата обращения: 29.01.2019).
- ⁶ Ibid. P. 6.
- ⁷ *Sandıklı A.* Türkiye'nin Jeopolitiği. Yumuşak güç savaşları ve terörizm. İstanbul, 2015. 281 s.
- ⁸ См.: *Benhaïm Y., Öktem K.* Op. cit. P. 7.
- ⁹ Article by H. E. Ahmet Davutoğlu published in Foreign Policy magazine (USA) on 20 May 2010. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/article-by-h_e_ahmet-davutoglu-published-in-foreign-policy-magazine-usa_-on-20-may-2010.en.mfa (дата обращения: 30.01.2019).
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ См.: *Benhaïm Y., Öktem K.* Op. cit. P. 14.
- ¹² См.: Interview by Mr. Ahmet Davutoğlu published in AUC Cairo Review (Egypt) on 12 March 2012. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/interview-by-mr_ahmet-davuto%99Flu-published-in-auc-cairo-review-_egypt_-on-12-march-2012.en.mfa (дата обращения: 30.01.2019).
- ¹³ Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. Sayın Bakanımızın "Nueva Economia Forum"da Yaptıkları Konuşma, 16 Kasım 2009, Madrid. URL: http://www.mfa.gov.tr/sayin-bakanimizin_nueva-economia-forum_da-yaptiklari-konusma_-16-kasim-2009_-madrid.tr.mfa (дата обращения: 30.01.2019).
- ¹⁴ *Benhaïm Y., Öktem K.* Op. cit. P. 14.
- ¹⁵ Ibid. P. 15.

¹⁶ П. Turkey's and NATO's views on current issues of the Alliance. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/ii_---turkey_s-contributions-to-international-peace-keeping-activities.en.mfa (дата обращения: 30.01.2019)

¹⁷ См.: *Benhaïm Y., Öktem K.* Op. cit. P.16.

¹⁸ См.: *Sandıklı A.* Op. cit. P. 67.

¹⁹ Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.mfa.gov.tr/sub.en.mfa?ad9093da-8e71-4678-a1b6-05f297baadc4> (дата обращения: 30.01.2019)

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

Образец для цитирования:

Шамарина О. А. Дискурс турецкой «мягкой силы» в контексте трансформации внешнеполитического курса Турции в 2001–2015 годах (на основе анализа выступлений турецких политических лидеров) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 494–498. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-494-498>

Cite this article as:

Shamarina O. A. The Discourse of Turkish «Soft Power» in the Context of the Turkish Foreign Policy Transformation in 2001–2015 (Based on Turkish Political Leaders' Speech Analysis). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 494–498 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-494-498>
